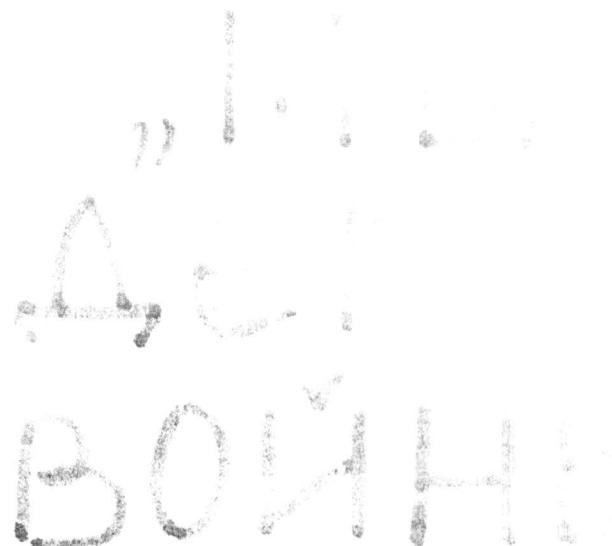

Кожина Галина
Гавриловна с Чаваньга

Я, Кожина Галина Гавриловна, родилась и проживала в селе Чаваньга до августа 1968 года. 22 июня 1941 год, воскресенье был очень тёплый солнечный день. В этот день у меня была радость, до обеда купила мама красивое платье, после обеда родители легли отдыхать, так как встали рано, ловили на тоневом участке «Нель» за магазином старым. В деревне устанавливали радио чёрные тарелки, всем установили за 2 месяца, и вдруг заговорило радио, объявили война. И всё закрутилось. В то время в Чаваньге народу было много. Все на улицу побежали с плачем. Это было очень страшно видеть. Через день пришел бот (судно). В первую очередь отправили молодежь. Помню, как весной собирались на площадь от дом Августы Семеновны до Всеволода Александровича ребята играли в Рюхи, была такая игра. Я не помню, чтобы молодежь когда-то были пьяные. Парни все молодые, высокие 21 год, 22 года, и никто из них не вернулся. Двоюродный брат Николай Дмитриевич написал письмо из Клина, что везут на фронт и, наверное, доехал, кровавая река текла, эшелоны разбомбило. Говорили, что в эти годы на дороге много погибло от бомбёжки, (Царство им небесное). Помню, как летели в самолета немецкие чёрные на хвосте белые кресты, а гул очень страшный и высок в сторону леса. Наверное, на Архангельск летели, все выбегали на улицу, не думали, что может случиться. Для нас детей диковинка самолеты и стрельба не было. Постепенно всех мужчин забрали, а девушек не забирали. Создали ТТ (также стрелять, готовили на войну. Чуть не получилась трагедия, выстрелили и попал в учительницу, Анну Егоровну она из Стрельны была. Мой отец Кожина Гаврил Анисимович воевал в Карелии, письмо пришло в начале февраля 1943 год что бой был очень страшный, много полегло ребят, вместе с ним был Кленевъ Василий Михайлович, отец Веры Васильевны. Писал, что после боя его не нашли, ни мертвым и не живым и не раненым, а он попал в плен. Папа уже не увидел свой 16 октября 1943 года. Василий Михайлович пришел больной после войны в нашу деревню. Папа погроен в братской могиле, все останки собраны в

Похоронки приходили в деревню Степанский район. К 60-летию со дня смерти обелиска обдергали все постылые. И так раз была, видела обелиск из зерногранита, ступеньки тоже из гранита. На постыде проезжала и всегда смотрела в окно, как промелькнет. Я отдохнула по путевке в 1984 году в городе Днепропетровске в Западной Германии. У неё на спине выжжен номер концлагеря. Её мать могла ничего рассказать, они падали от страха. Мой муж Белорус был пленён немцами, семью их выгнали из деревни. Погибнут утром, а на них снег лежал. Жили в доме, но вспоминает, что был хороший повар, подкармлививший в кастрюлях оставалась пища им отдавал. Мать мыла бачки. Очень были страшные эсесовцы, у кого в семье были партизаны, их семьи убивали и вешали. Три раза выгоняли немцев из деревни, когда их совсем выгнали, очень много трупов сожгли. Дети ходили по трущим, искали своих родственников. Владимир был связистом, никого из них было, он никого не знал, все засекречено было. Только знали командира Ф.Н. О. доставали сведения. А сейчас бы он был бы ветераном, кто докажет. Сведений нет, отец репрессирован в 1937 году. Я писала в КГБ и в тюрьму ответ один все документы сгорели в Белоруссии. Похоронки приходили всей деревней ошибались. Люди жили все одной семьей, кто живыми приезжали и опять все радовались. В праздники все общались друг с другом, не было зависти и сплетен, а сейчас деревня очень изменился, появилась жадность, зависть. В то время жили одинаково все, во время войны голодные были, делились друг с другом, горе объединяло. Праздники устраивали, хотя была война. У нас отец погиб нас осталась шестеро сестри и два брата. И все заботы легли на старшую сестру Кожину Тамару Гавриловну. Вот так и жили.

